

The background of the cover is a vibrant, ethereal illustration. It features a man and a woman standing amidst swirling, translucent waves of light in shades of blue, purple, and pink. The waves are filled with numerous small, bright star-like sparkles. The man, on the right, has a beard and is looking towards the viewer. The woman, on the left, has long, wavy hair and is looking upwards. The overall atmosphere is magical and otherworldly.

18+

Юлия Соловьёва

"Посмертное фото"

Юлия Соловьёва

Посмертное фото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73312798

ISBN 9785006926158

Аннотация

Бывают случаи, когда разум не оставляет выбора. Грусть сжигает нечто невидимое и называемое в простонародье душой, а ты не способен адекватно и реалистично принять факт провала в шахматной партии, которую затеяла играть с тобой судьба. Так почему же люди умирают, невзирая на прекрасную жизнь? Это странный вопрос, ведь существование в мире – очень непростая штука. Я повторяюсь? Возможно. Дело в том, что сейчас я сижу и думаю о своей смерти как о спасении.

Содержание

Вступление	5
Как вязать верёвки	7
Первое фото	38
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Посмертное фото

Юлия Соловьёва

© Юлия Соловьёва, 2026

ISBN 978-5-0069-2615-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

Бывают случаи, когда разум не оставляет выбора. Ты начинаешь совершать такие ужасные поступки, о которых не помышлял в обычный слякотный день. Дождь хоть и нагоняет тоску, но он явно не желает приобщить тебя к числу смертников. Грусть сжигает нечто невидимое и называемое в простонародье душой, а ты не способен адекватно и реалистично принять факт провала в шахматной партии, которую затеяла играть с тобой судьба. Так почему же люди умирают, невзирая на прекрасную жизнь? Это странный вопрос, ведь существование в мире – очень непростая штука. Я повторяюсь? Возможно. Дело в том, что сейчас я сижу и думаю о своей смерти как о спасении.

Я запуталась и потерялась в моральных правилах, гордости, боли, любви. Слишком много раз я позволяла себе влюбиться в мужчину, а потом удерживать на своих глазах розовые очки, которые прекрасно скрывали равнодушие ко мне. Слишком много разрешала посторонним ругать себя за то, что и так разрывало днями и ночами, и даже во сне наказывало мою душу неустанным разумом.

Кто-то покачает головой и скажет: «Безумная, ты лишаешь себя всего самого прекрасного! Грусть

и уныние – есть смертный грех и убийство всего человеческого внутри. Самоубийцы попадают в ад!»

Любые убийцы попадают в ад, и я не исключение. Я подумала о посмертном фото в завершении моего жизненного пути. Вышло нечто необычное: девушка в чёрном облачении, с призрачным макияжем, лишь румянец держится воздушной дымкой. Хотя, наверное, мне не нужен румянец. Достаточно мертвенной бледности – это для того, чтобы исчезли поганые веснушки. Они как задница жирафа – по всему лицу – отпечатались на моём прошлом. Впрочем, как всё остальное. Я придумала историю. Не факт, что её прочтут или опубликуют, но думаю, это последнее, что я должна выпустить из себя.

Как вязать верёвки

Предположим, что есть девушка Мирослава. Она учится в университете криминалистики четыре года, два из которых посещала на расстоянии. Спортивная внешность, огненная копна волнистых волос, янтарные глазки в широком разрезе с коричневатыми прожилками и чуть пухловатые губы. Завышать оценку персонажам вполне допустимо, но у моей героини этого не будет. Мира останется для всех обособленной, непривычно рациональной и одновременно неустойчивой психически девушкой, пережившей трагедию.

В личной жизни стабильное одиночество, сопровождающееся лёгкой атлетикой и книгогрызением. По утрам привычка заходить в кофейню, улыбаться кучерявому бармену с проколотым ухом и забиваться в тёмный угол, чтобы поразмышлять за час до новой пары. Вечный выбор – карамельный «Мокачино» и щедрые чаевые с редкой гравировкой на одной монете, чтобы порадовать бариста. Виктор с их первой встречи точно ни разу не пожалел, что рассказал случайной девушке о своём увлечении нумизматикой. Для него откровение оказалось прибыльным, а для Миры поводом приходить в кофейню чаще, пусть даже средств порой вообще на кофе не было.

Универ криминологов кишит разными сортами людей, и среди них чаще имеются подонки. Например, два ловка-

ча с именами Стас и Женя частенько пристают со своими шуточками про секс, что волнует Миру в последнюю очередь. Дурацкая тётка в раздевалке постоянно спрашивает про петельку для вешалки на куртке, а Мирославе хочется ей на шею эту петельку соорудить. Вечно недовольный куратор из-за постоянных отказов погулять с ним вечером успевает добивать вопросами днём. Работа с психологом два раза в неделю прибавляет к маскараду цирковой аттракцион, но это обязательно, если хочешь работать в криминологии.

Чтобы жить без шумного ритма студенческой общаги, за квартиру приходится отдавать почти всю стипендию, а на еду ничего не остаётся. Из развлечений лишь беседы вечерами у подруги дома касательно домашних заданий и дипломной практики. До которой, к месту упоминая, остаётся меньше суток, а Мирослава настолько себе не доверяет, что готова бросить универ на последней стадии и уйти в ботанический сад.

Но пока она не передумала, потому что знает, ей достанется в практике необыкновенное задание, которое изменит судьбу, оценки и мировоззрение. И Зайцева ещё не осознаёт, откуда такая дикая чуйка, хотя, вероятно, себя так же будет чувствовать любой студент перед выходом на постоянную и серьёзную работу. А впрочем, у страха действительно глаза велики, так что познакомившись с делом, оно не будет казаться уже настолько леденящим душу.

Не спрашивайте, почему Мира – девушка слабая духом –

выбрала свидания с трупами, а не с парнями. Мёртвые не разговорчивы и безобидны. Они всего лишь биологически разлагающийся материал, который до последнего часа старался совладать с буйными волнами бытовухи, но в конце либо сдался, либо его сломали. И не всегда смерть можно отнести к кровавой резне и аморальной брезгливой нечестивости.

Смерть повсюду сопровождает любое живое существо, да и неживое тоже. Увидевший однажды смерть человек будет неприятно вздрагивать от ощущений, постигших его в тот момент. Эти чувства не терзают, не ранят, они убивают. Убивают медленно и нестерпимо жестоко именно тем, что расщепляют сознание подобно разлагающемуся органическому телу.

А так как Мирослава успела столкнуться в своей жизни со смертью, именно скорая гибель пробудила в девушке нечто неприемлемое обществом. Это необъяснимое ощущение поделило её жизнь на «До» и «После», стерев во всём «До» самое важное. И теперь Мира собирает себя по крупинкам, чтобы создать новую жизнь.

– Хай, подруга! О чём думаешь?

Мира остановилась прямо у дверей универа, не соизволив войти внутрь. Полина – подруга – напуганная и уставшая после ночной смены, стоит и смотрит на неё, обнимая при этом стопку папок с документами. Эти листки со списанными отчётами у других криминалистов всё равно не помогут

девушке пройти практику и закончить университет, хотя та в последнее время просто из шкуры вон лезет.

– А, – Мира смотрит на Полину, – я волнуюсь.

– Ответственный день. – поддерживает та.

– Думаю, что он будет сложный. Ты подготовилась?

– Конечно, – лукаво улыбается девушка, – нет. Ты видела, сколько я отчётов у параллели нахватала? Уж они точно за гроши уступили мне свои работы. И некогда мне заниматься отчётами.

– Знаю, – тихо говорит Зайцева, – ведь у тебя сложный случай.

Мира погрузилась в себя с мыслью, что Полина слишком нещадно обращается со своей жизнью. Она пашет, чтобы отцу не отключали аппараты искусственного дыхания. Он попал в страшнейшую аварию шесть лет назад, оставив тем самым дочери кучу долгов, проблем и ненужных вещей, которые уже не продать. Оттого пятнадцатилетняя девчонка пошла работать по ночам, потому что днём приходилось учиться.

Минус такой жизни был совсем не в её ритме, не в печальных событиях, а в проституции, которой Полине приходилось заниматься. В пятнадцать её мало куда брали, и на курьерских доставках – в их-то городе – много не наскребёшь. Да и Полина свято верила, что отец рано или поздно выкарабкается и поможет ей. Однако ситуация у девушки лишь ухудшилась, потому что какой-то клиент заразил её сифи-

лисом. Рассказала Полина это только Мирославе, а та стала сдавать за подругу анализы, чтобы Полина не вылетела из универа.

Миссия весьма рискованная, если учитывать, в каком учреждении обе должны будут работать в будущем. Любой прокол с медосмотром, на полиграфе или собеседовании станет билетом из криминалистики в один конец. Зайцева это понимала, но чувство скорби и сочувствия напрочь отбили страх за сохранность карьеры. И Мирослава во всех смыслах разделяла горе подруги, отставив свои собственные чувства на заднем плане.

– Как себя чувствуешь? – спрашивает она Полину.

– Да так себе, симптомы начинают показывать, насколько всё печально. Знаешь, я каждую ночь просыпаюсь от кошмаров. Мне кажется, что сердце папы остановилось и аппараты пищат прямо у меня под ухом, но я не смогу смириться с этим. Никогда. Понимаешь?

– Понимаю.

В этом мире каждый точно столкнётся со смертью. Тем, кто увидит её раньше двадцати, я сочувствую заранее. Неприглядна эта дама для не созревшего ума, который принять любую причину исчезновения из жизни любимого человека будет не в состоянии. Смерть причиняет боль живым, а мёртвым дарит облегчение. Только ушедшим никогда не узнать, насколько сильно будут страдать оставшиеся, но видевшие смерть, а те не скоро поймут, что после смерти

за страданиями смотреть некому.

– Не унывай, – вздыхает Мира. – Ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

– Пойдём уже, выглядим странно. – бурчит Полина, не желая показывать слёзы.

Подруги двинулись в сторону аудитории своей группы. Народу, как муравьёв на завалинке. Все суетятся, болеют за задание на лето, штудируют справочники и газетные вырезки, много обсуждают проекты дипломников. Практика никого не оставляет равнодушным. Выпускники вообще испарились из коридоров и улиц и висают в лаборантских над работами перед главным праздником жизни – финалом. Первокурсники и другие «спокойные» студенты носят с зачётками и экзаменами, а за стенами жуткого дома скорби разгорелся май и не даёт покоя молодёжи.

Здание универа красотой и уютом не блистало, и даже в самые жаркие дни становилось холодно буквально. Знаете песню немецкого исполнителя Фалко? Он в чёрно-белом клипе поёт свою знаменитую «Out of the dark» и нагоняет мурашки сочетанием вокала и соло гитары. Его острые черты лица подходят разным личинам: кровожадному доктору, злому гению, надменному диктатору, жестокому правителю. В мире ведь не так много выделяющихся личин, и у этого человека великое разнообразие вариантов существования, а он выбрал петь. Мы тоже многогранны, однако из всех изощрённых вариаций остаёмся лишь примитивными.

Пары закончились быстро. Вся группа выпускников, сдавшие дипломные работы ректору, остались у куратора, чтобы получить свой первый рабочий штаб. Лица их счастьем не блестели, да и причин на то не было, однако у Мирославы сердце волнительно вибрировало в груди. В отличие от одноклассников, она мечтала покинуть морозильные стены «УК», лишь бы сменить обстановку.

– Мирослава Зайцева, Станислав Ерёменко, Вероника Гарчанова направляются в седьмой полицейский участок под руководство следователя Немчанова. – Громогласно бабит ректор. – Берём папки, рекомендации, дневники для дипломов и марш отсюда до августа, чтобы я вас тут не наблюдал!

Этот момент становится ключевым в жизни Зайцевой. Аудитория поглощается противным смехом, потому что Стас успел поспорить с Женей на целую путёвку в Эмираты, что «оприходует» даму за пару приёмов. Разумеется, вся группа, кроме предмета спора, в курсе пари и держит ухо востро, ибо ставки – дело не шуточное, а очень даже прибыльное. Что уж говорить о ректоре, который наслышан о подвигах следователя в любовных поединках и с удовольствием бы посмотрел на Зайцеву среди охоты за золотым лонном. Он считал, раз ему студентка отказала, значит, Немчанов точно этот орешек расколлет, так и у самого пожилого Ромео будет шанс на малую часть территории.

Очень даже противно, если представлять себя на месте

любого из данных людей. Немало эмоций добавят флешбэки, если в таковой ситуации удалось представляющему побывать. В обществе нужно не просто понимать людей, обязательно научиться распознавать их мотивы, причиной для общения которых они могут являться. Собеседник способен улыбнуться тебе в лицо, но стоит повернуться к нему спиной, как другому приятелю будет ясна цель ваших дел. И сколько ты не строй чистых помыслов при знакомстве, сильная сторона с продуманным планом на использование твоей личности сто процентов прогнёт чужое эго под себя.

– Можно ли обращаться к вам, если возникнут вопросы с заданиями? – спрашивает Зайцева и берёт в руки документы.

Мужчина с седыми боками надменно выгибает бровь и с презрением хмыкает прямо в лицо. Проглатывая это, Мирослава напоследок оборачивается, чтобы увидеть настрой Полины, которая уже бледная и вспотевшая борется со сном. Девушка посылает ей зажатую улыбку и, словно прощаясь, кивает. Рядом с ректорским столом Стас тоже подаёт знаки своим друзьям, противно скалясь, словно плешистый шакал.

На улице он догоняет Зайцеву вместе с туповатой Никой, плетущейся следом, как Бобик на поводке. Выражение лица парня ничего прекрасного не сулит и выносит приговор о летнем мучении. Сложно будет молча проходить мимо Ерёменко и держать в кулаках зуд, который можно унять, только проехавшись по физиономии нерадивого.

– Чем ты так Василичу насолила, что он тебя с нами в ссылку отправляет? – усмехается и спрашивает Стас.

– Это не меня с вами, а вас со мной отправляют на каторгу. И если ты ещё не понял, то тяжело будет тебе, а не наоборот.

– Слышь, Зайцева, а ты не больно соответствуешь фамилии.

– У тебя, видишь ли, тоже мозгов не так много в голове держится.

Стас грозно смотрит на Миру, стараясь настрашать её до посинения, но вряд ли выйдет, ведь работать студенты всё равно будут на расстоянии друг от друга. С этим расчётом Зайцева и позволяет себе грубить превосходящему её в габаритах глупцу.

– Главное, не забывай, что я кое-что знаю о тебе. – ядовито угрожает Ерёменко. – Не будь ты такой милашкой, давно бы вас с Полиной сдал.

– Ничего ты не знаешь! – фыркает Мира. – Пару раз стринги в девчачьем туалете снимал и про травку слышал. Катись к чёрту, педик.

– Воу-воу, солнышко! Ты поаккуратнее со словечками, а то так ведь и с имплантами придётся подружиться.

– Ты тоже свой жаргон фильтруй, иначе придётся Ожегова целиком жевать.

Сказав это, Зайцева гордо разворачивается и идёт к остановке. Не хватало ещё такому гаду показывать страх и выкапывать честь! Подобные Стасу и его друзьям заслуживают

только пытки огнём и водой, а не лавры и девчонок. Жаль, что в комитете по защите прав студентов им спускают с рук шалости любого вида.

Добираться до полицейского участка на автобусе не является чем-то ужасным, но расстояние заставляет немного напрячь лицевые мышцы в гримасе отвращения. Мира живёт в одиннадцати километрах от участка, так что вставать придётся на час раньше. Хотя, возможно, её, как и всех криминологов из универа, запихнут в архив пылью дышать, тогда будет возможность отоспаться. Именно из архива, кстати, ползут рассказы практикантов о жутких делах, закрытых и неразрешённых. И все, пугаясь пришедших призраков из мест их общего скопления, требующих закрыть гештальты, бегут под начало сдачи практики.

Следаки участка тупо издеваются над студентами, хотя, может, и верно, ведь слабонервным не место среди ужаса и крови. Уж лучше пусть пугаются выпущенных кишок на фотографиях и остаются в сознании, чем будут вытряхивать завтрак, обед и ужин рядом с трупом. И у криминологов должна быть мобильность, а эти доходяги не могут в одну папку свои отчёты утрамбовать.

Мирослава до отдела номер семь добралась быстрее товарищей, чем осталась довольна. Работать в убойном среди тепла и зелёных деревьев куда приятнее, нежели разглядывать пол в университете. Да и пахло тут непривычно соблазнительно: табак и свежие скоросшиватели вперемеш-

ку с дешманским кофе. Впрочем, и кабинеты притягивали взгляд деревянными дверьми и старыми оконными рамами.

– Зайцева? – Не открывая лица, закрытого чьим-то делом, спрашивает мужчина.

Голос звучит так приятно, почти как дикторский из аудиокниг. Такой терпкий, но в то же время бархатный. Его отголоски отскакивают от пустых стен и высокого потолка, возвращаясь в уста говорящего.

– Да, – отвечает Мира и в свою очередь интересуется: – Вы следователь Немчанов?

– Игорь Викторович, – поправляет тот и кладёт бумаги на стол.

Глаза придирчиво оглядывают новоприбывшую, сжимая в невидимые тиски удручающим молчанием. Хуже пытки и быть не может – когда стоишь и ждёшь одобрения или оценки, в коей не нуждаешься, но формальности ради позволяешь сделать.

Мужчина, на вид лет двадцати восьми, с угольными волосами и светлой кожей, крепкого телосложения и полным внешним спокойствием. Весьма необычная внешность для следователя. Модный полубокс, гладко выбритое лицо, ровные зубы и ясные глаза. Он точно работает? Не вполне понятно, что с ним не так, раз уж Немчанов решил податься в ментуру. Кто же в наше время отдаст молодость справедливости ради, когда на арене в гладиаторских схватках сражаются блогеры и артисты?

Зайцева неприлично пялилась на своё будущее, разгадывая сразу несколько возникших загадок. Может, она не угадала с возрастом, ведь в документе не указывают личные данные кураторов практики? Может, не такой уж и модный этот следователь, и марафет навёл исключительно принимая практикантку? А что, если он и не работает тут вовсе, а просто служит украшением кабинета? Или Мирославу, вероятно, разыграли, и никакого Немчанова не существует?

– Простите, мне назвали только фамилию, – наконец чётко отвечает она.

Следователь иронично хмыкает и кладёт на стол маленький блестящий брелок. Теперь очередь Немчанова оглядывать Зайцеву с головы до ног, приходя к своим мужским выводам. Оттого-то искры в глазах и не возникло, хотя Мира девушка не страшная.

– Значит, ты тоже хочешь в архив? – Равнодушно спросил Немчанов.

– Не поняла, – пищит та.

– Все студенты идут в архив, потому что элементарно не заглядывают в документы практики. Не изучают, с чем и с кем придётся работать, а значит, работать не хотят. Следующая дверь налево, там получишь пропуск в архив и новенькую метлу.

Не удостоив Зайцеву лишним взглядом, Немчанов снова прячется за бумажной ширмой, наверняка не читая, а хихикая над растерявшейся пигалицей. Но Мирослава – девуш-

ка не из ряда слабых и ставить себя вместе со всеми под одну гребёнку не даст, ведь есть и среди рыжих котят белые. Если на практике Зайцева будет отмалчиваться так же, как в универе с ректором, то профессия выскочит из рук, как и диплом.

– Но... – хочет возразить Мира.

– Кругом марш! – рывкает из-за бумаг следователь.

Зайцева вздрагивает, а глаза щиплет от обиды. Хочется в голос тут заистерить, но тогда исправить первое впечатление уже не получится. Поэтому лучше просто молча уйти, а потом дать о себе знать в один прекрасный и не подходящий для Немчанова момент.

Выходя в коридор, Мира замечает двух других следователей, посмеивавшихся в кулачки. Молодые парни, работающие в отделе примерно около года, может меньше, на вид схожие с Немчановым, давно почувствовали себя участниками чужого разговора. Это видно по их свежим лицам и опрятной форме – настоящие-то следаки возят в машине подушку и одеяло, потому что буквально живут на работе, а эти ещё выспавшиеся. Но, что куда важнее, они подпирали дверь, пока Мирослава сражалась за свободу, не замечая, как угрождает под замок.

– Ещё она архивная моль, – говорит первый, не скрывая наглой ухмылочки.

– Немчанов красавчик, – поддерживает второй. – Всех сбагрил и кофеёк тянет. Может, мне тоже своих баранов

к Зинидишне отправить?

– Тебя полковник потом спишет со счетов, это Игорьку только на халяву везёт.

– Игорёк тот ещё чёрт, – провожая оценивающим взглядом Зайцеву, произносит парень.

– Архив в конце коридора, налево, – подсказывает второй, и дружно двое заливаются смехом.

Мира проходит мимо, окатив обоих презренным шипением. Рано или поздно им тоже достанется сполна за издевательства. Зайцева только с виду тихая и непреступная, но, по правде говоря, не будите спящий вулкан, если селитесь у его подножия. Иначе защитная «пробка» однажды вылетит из жерла, и польётся горячая лава, готовая всё поглотить.

Коридор уходит далеко вглубь участка и там, в конце, почти не освещается. Неужели коммунальные услуги настолько стоящие, что вкрутить лишнюю лампочку так затратно? В кабинете «справочная», за дверью с номером 12, пожилая женщина бормочет, пока раскладывает пыльные бумажки по стопкам. Мира откашливается в ладонь, а та косо смотрит на девушку, затем кивает в сторону стены с крючками, на которых висят ключи. Студентка, подойдя ближе, среди пыльных и запутавшихся бирок находит одну единственную чистую.

– Архив, – произносит она вслух. – Местная достопримечательность.

– Вас только туда и гоняют, – ворчит старушка, – а мне

тогда к чему работа? Что я тут, так до пенсии и буду объяснительные по папкам раскладывать?

– У вас очень капризные следователи, – заявляет Зайцева. – Я и слова сказать не успела, а меня сразу в архив. Разве виноваты мы?

– А ты и не жди, что тебе сразу дело дадут. Не дождёшься! Тут таких слабеньких, как ты, быстренько на постельку кладут, а там они в академический отпуск от работы сбегают.

– А я не за детьми в отдел пришла, а за телами.

Старушка выпучивает на серьёзную Мирославу глаза, а потом так расходится громким смехом, что аж закашливается. К добру или нет её всплеск энергии на закате, но Мира дальше веселить Зинидишну не собирается. Она сразу догадывается, что старушка местный смотритель, и конфликты только испортят возможные плюшки в делах. Поэтому девушка просто отправляется от справочной прочь, чтобы прийти в легендарное местечко тайн и загадок.

Старушонка так же смотрит в ожидании, когда непрощенная гостя выйдет вон, ибо сама не желает разговаривать с глупой овечкой. В коридоре ещё стоят следаки и обсуждают короткие юбки новеньких сотрудниц. Кабинет Немчанова плотно закрыт, но слышен приглушённый разговор двух людей. Мире даже удаётся ухватить короткий диалог.

– *Как будто в мире подонков мало!* – Говорит Немчанов.

– *Так найдите хотя бы этого!* – Чей-то женский голос.

– *Я не волшебник...*

Обрывок такой фразы вызывает у Миры тотальное отвращение к куратору, что характеризует работу в архиве куда интереснее практики со следствием. Не такой она представляла себе атмосферу в отделе, и не таким следователя. Было бы удобнее, будь на месте Немчанова седой волк с добрым багажом опыта, а не молодой паренёк с модными джоггерами.

Замочная скважина давно живёт в двери архива, и ключ почти с проворотом просит язычок замка отойти в сторону. Тихо и безмятежно лежат на полках и в ящиках разные папки. Пахнет сырой бумагой, или, может, плесенью, сразу не разберёшь. На окнах решётки и наполовину спущенные жалюзи. Рядом с ячейками справочных карт стоит кулер, в котором чистая вода, а в держателе пять бодрых стаканчиков. Свет, видимо, горит постоянно, но замок бы им не помешало сменить.

Делать в этом богом забытом месте совершенно нечего. Вы знаете, что такое архив? Архив – это учреждение, специально занятое хранением, систематизацией и описанием письменных и графических памятников прошлого. Понимаете? Всё, что с пометкой «архивное», не является актуальным или достоверным. Оно забыто, спрятано, исключено из реальной повседневности. Оно не нужно и мешает, или вызывает ненужные, неправильные эмоции. А что делать, если ты попала в этот сборник рухляди и суетности?

– Я сейчас же вызову парочку призраков, Игорь Викторо-

вич, и тогда мы снова увидимся. — Зловеще вещает Мира. — Только на этот раз сослать меня в одно место уже не получится.

За что хвататься сразу, Зайцева не знает. Столько стеллажей, коробок, неубранных папок, словно месяц в этом архиве никто не наводил порядок. Где опасные преступники, серийные маньяки однозначно не выяснить, так что придётся тыкать пальцем в небо, может чего и выйдет. На удачу, у рабочего стола уже стояли материалы, и не взглянуть на свежачок грешно.

— Почти знакомое место, — говорит Зайцева, как будто так оно и есть. — День сурка? Ну и пусть! Ставлю душу, что нераскрытых глухарей здесь пруд пруди.

Любопытство подводит к стоящей на полу коробке, в которой мирно пылится парочка, а то и больше, дел. Страшно и одновременно интересно брать в руки то, чего Миру совершенно не касается, однако, глядя по сторонам, она всё же поднимает с пола коробку и ставит на стол. Бумажные бесцветные папки, как оказалось, вовсе не в пыли, отчего только азартнее становится, поэтому Зайцева вынимает все разом.

В одной из них сообщалось, что похищена девушка лет тридцати пяти, привлекательной наружности, без приводов и нарушений, не замужем, однако без имени, фамилии и фотографий. Прямо в разгар дня и прекрасной карьеры психолога. Парочка свидетельских показаний, совершенно не объясняющих исчезновение, и записка с корявым почерком,

который не прочесть. Другая папка содержала фото убийства некой Лики Прохоровой, без особых описаний, в которой говорилось, что дело закрыто. Следующая папка попросту пустая, а четвёртая копила вырезки из различных статей о страшном маньяке. Журналисты писали про психа, который похитил и надругался над более чем пятью жертвами, и разумеется, не был найден, хотя характерный почерк мог бы давно его выдать. Фото отпечатаны настолько красочно на газетном пергаменте, что такая детальность повергла бы в ужас любого человека, даже у которого крепкие нервы. Но Миру этим не напугаешь.

В последней папке запылилось только одно заявление от мужа – Вдовина Александра – с фотографией. Там была изображена Ставропольская Елена Георгиевна – человек невидимка, без описаний и примеров внешности. Дело двухгодовой давности оставалось незакрытым, без пометки «заморожено» и даже не «приостановлено».

Положение такой явной следственной ошибки в архивной части отдела настораживало. Более интересный вопрос в другом: почему газетные вырезки о маньяке, пропавшая женщина и убитая девушка находились в одной коробке? Возможно, дела перекликались друг с другом, только довести их до конца кому-то не хватило сил. Не давали покоя отсутствие имени пропавшей и третья папка, которая пустая. А ещё где-то в глубине души маялась нелепая мысль, что уж слишком знакомыми кажутся совершенно незнакомые люди.

– Боже, это же элементарно! – Вскрикивает Мира. – Над тобой тоже решили пошутить, как и над остальными!

И действительно, вдруг над Зайцевой устраивают развод века, как было с другими практикантами. Ведь если девушка зависает в архиве одна, значит, те уже сбежали. Или не сбежали, а притаились за шкафчиками гнилой макулатуры и ждут момента, чтобы выскочить и заорать: «Розыгрыш!»

– Как ты первая сюда добралась? – слышится голос Стаса из-за спины.

Мирослава оборачивается и видит его вместе с Никой и Немчановым позади. Последний на Зайцеву не смотрит, упиравшись взглядом в телефон. Гарчанова испуганно оглядывается вокруг, а Ерёменко давит лыбу, надеясь на выигрыш в споре.

– Вот тебе команда по квидичу, – говорит Игорь, не поднимая взгляда. – Ты тут за старшую. Как призраков услышите, сообщите, кто первым дёру дал. Я ставки сделал, продуть не хочу.

И бесцеремонно куратор практики покидает архив, так и не посмотрев на Миру. Становится обидно, ведь Зайцева лелеяла лёгкую надежду на слова Зинидишны, что кадрить Немчанов будет сразу. Но он просто ушёл, оставляя девушку на потеху перевозбуждённому однокурснику.

– И какая тут у нас работа? – спрашивает Гарчанова.

– Любая, – бросает Зайцева, возвращаясь к папкам.

– Ты себе нашла уже, как погляжу, – деловито идёт Стас. – Поработаем вместе? У меня большой опыт, – добавляет он с акцентом.

– Да, а рулетка короткая, – гневно говорит Мира. – Мне твои заигрывания фиолетовые, так что в другую сторону слюни направь.

– Я чёт не понимаю, – скалится Ерёменко и нависает над девушкой. – Ты куда себе понты напихала, в титьки или ягодицы?

– Катись! – приказала Зайцева и углубилась в рассуждения.

Она битый час ходила из угла в угол, пытаясь распутать загадочную связь между делами, но в голову ничего не приходило. Надо сказать, страшные фото произвели на девушку определённый эффект, и это привело к тому, что Мира приняла неразделённое негодование мнимых родственников жертв на себя. По-простому – разрешила отомстить.

С запиской Зайцева решила навеститься к знакомому фармацевту, который сумеет без труда разобрать каракули докторского рецепта. Сравнив дело о безымянной пропавшей и убитой Прохоровой, Мира объединила их в одной папке, рассчитывая позже понять, почему материалы разделили. Вероятно, над похищением работал один следователь, а убийство закрыл другой. Ну, это как один из вариантов. Пустая папка больше пугала тем, что в ней нет ничего весомого и даже невесомого, а оно должно было присутствовать,

ибо номер дела уже написан, а данные потерпевшего – исполненные карандашом – стёрты. Причём карандаш, вероятно, едва касался листа, потому что выявить бывшие буквы у Зайцевой в архиве не вышло.

– Стоит поискать тут копирку, – подаёт Мира голос, – так хоть время убьём.

Стас умышленно игнорирует Зайцеву, домогаясь до Ники, которая не знает, куда себя деть. Мирослава пока ещё не может отделаться от мысли, что её разыгрывают, а потому решает акцентировать на себя всеобщее внимание. Пусть папки в ящике на самом деле ничего не значат или целиком состоят из липы, но наводить суету куда лучше, чем покрываться пылью и бояться приведений. А чтобы покинуть стены пыльного места, она вполне сможет придумать обоснованную причину, лишь бы эти дела подняли в работе. И аргумент на это Зайцева уже нашла.

Одна деталь чётко проскальзывает перед глазами. В очередной раз пытаюсь разглядеть неуловимое между фото и краткими описаниями, Мира всё же находит то самое. Когда она закрывает одним из фото тусклый свет настольной лампы, то видит нечто потрясающее и от радости чуть не визжит. А чтобы всё выглядело эффектно и правдоподобно, решает привлечь сокурсников – пусть и им достанутся лавры.

– Ника, – зовёт Зайцева, – у тебя же зрение лучше. Посмотри-ка сюда.

Гарчанова стрелой летит к рабочему столу Миры, радост-

ная выбраться из когтей Стаса.

– Что тут? – внимательно смотрит девушка.

– Вот тут погляди, – показывает пальцем Зайцева. – Видишь?

– Вижу, а что это?

– Это нераскрытое дело, которое нам поручили раскопать. Но Немчанов хочет оставить нас тут до конца практики.

– А тебе чего тут не сидится? – вмешивается Ерёменко и идёт к девушкам.

– А я не хочу тут с тобой вечно сидеть, – заявляет Мирослава. – Того гляди, как ты стану.

– Я не плохой, – хмыкает Стас. – А что у вас?

– Дельце интересное, – скалится Зайцева. – К Немчанову сейчас пойдём и покажем, что нашли. Пусть дело открывает.

– А оно закрыто? – уточняет парень.

– Нет, оно заморожено, – врёт Мира. – Пошли, а то стухнем здесь.

И трое практикантов показушно идут к следователю. Куратор будет не в восторге, но Зайцевой надо показать себя в деле. К тому же, её уверенный вид слегка сбил с толку до сих пор торчавших в коридоре коллег Немчанова. А это как приятная плюшка.

– Я первая зайду и расскажу, – заявляет она.

– Тебе все лавры? Я с тобой! – вставляет Стас.

– А я в коридоре одна боюсь, я с вами, – пищит Гарчанова.

Мирослава закатывает глаза, но соглашается. Чтобы убе-

дить непоколебимого мента, нужно бить его же оружием – свидетелями!

– Игорь Викторович, – суётся в дверной проём она без стука. – Вы заняты?

Тот, сидя перед экраном компьютера с каменным лицом, хрипло вздыхает.

– Призраков всё-таки увидела? – без интереса спрашивает Игорь.

– Нет. Дело Ставропольской не закрыто, но находится в архиве. – Едва сдерживая бурное дыхание, говорит студентка.

– И что? Тебе зачем это?

– Мы нашли нечто интересное. Вместе с папкой Ставропольской есть безымянная пропавшая и дело о маньяке.

– Это папка Прохоровой Лики. Её уже давно нашли.

– А почему дело об убийстве в одной папке, а дело о пропавшей в другой не закрыто?

Немчанов без движения переводит грозный взгляд на Зайцеву, с лютым желанием порвать её на британский флаг. Кто просит соплячку копаться в ментовских делах, да ещё и вопросы задавать?

– Ты мне на каком основании допрос устроила? – сквозь зубы рычит он.

– Я беру это дело в практику, – на одном дыхании лепит Мира и заходит в кабинет.

У Игоря неосознанно отваливается челюсть, а глаза на-

ливаются кровью. Он становится похож на бешеного ошестинившегося пса, который хочет прыгнуть и загрызть. Но прежде чем что-то сказать, Немчанов наблюдает прибавление в кабинете лиц, находящихся за дверью.

– Мы долго глядели на эти фотки! – улыбается Стас.

– Кто делал фото с места убийства? – бесцеремонно спрашивает Зайцева.

– Наши криминологи – хорошие, не то что нынче. – Фыркает мужчина. – Тебе заняться нечем? Могу отправить полы в обезьяннике мыть, и остальных, кстати, тоже!

– Да вы не понимаете! – вдруг вскрикивает Мира, театрально жестикулируя. – Фотки с обработкой на другой стороне! Какие, блин, криминологи?! Тут любитель снимки делал.

– Я вот смотрю на тебя и не верю своим глазам, – поднимается из-за стола Немчанов, а Ерёменко и Гарчанова тихо сливаются в коридор. – Ты совсем тупая, или ампула у тебя помешанной?

– Это я-то помешанная? – характерно восклицает Мира. – Да это у вас один бардак! Я учиться пришла, а не бумажки утрамбовывать! Вот сейчас к вашему начальству схожу и нажалуюсь, что вы работой своей заниматься не хотите. Да! И дело ему покажу, и сама им займусь, а когда практику закончу, сюда в убойный приду и это место подсижу!

Каменное лицо Немчанова выдавило влагу, однако не из глаз, а между милых морщинок на лбу. Пылкость

невзрачной простушки с набором провинциальных угроз одновременно и позабавила, и заставила чуть напрячься. И только Игорь хотел что-то сказать, как Зайцева немедленно выскочила из кабинета вон.

Чтобы напустить больше заинтересованности делом своим сокурсникам, Мира якобы в слезах выскакивает из кабинета. Они будут свидетелями, как те двое «дежурных» следяков. Стоявшим в коридоре товарищам студентка победно кивает, и они вместе срываются на бег, как школьники, накосячившие в учительской.

– Он нас не выпрет? – выказывает сомнение Стас.

– Ему интересно, – ехидно ухмыляясь, говорит Мирослава. – Когда он придёт, делайте вид, что работаете над уликами.

Влетев в архив, они в рассыпную хватаются за дела. Стас прилипает к компьютеру, Ника уже держит справочник, а Зайцева трясёт фото под лампой. Она триумфально улыбается, потому что жульство удалось. И даже если пытались разыграть её, теперь это не выйдет, потому что дело примет официальный оборот.

А вот, как и ожидалось, в архиве появляется Игорь. Кивком даёт понять, что лишним ушам пора удалиться, и помещение тут же пустеет. Мира всем видом изображает расстроенность и печаль, вытирая невидимые слёзки.

– С такой психикой надо в шестую палату, а не в криминалистику. – Подойдя почти вплотную, говорит Игорь.

По спине пробегает холодок, а губы трясутся в кривой ухмылке. Мира старается успокоить торжественную радость, чтобы не испортить спектакль. Немчанов так и стоит за её спиной, громко выдыхая воздух, что лишь напрягает, потому что под каждым порывом его грудь почти касается её лопаток.

Такое нелепое молчание длится слишком долго, и в периметре густо обретается Немчановский парфюм. Ухмылка у Зайцевой скисает, а кожа съёживается оттого, что Игорь наклоняется к ней, почти касаясь губами шеи. И слава верхам и небесам, что любопытный Стас скребётся в дверь, ведь Мира голову на отсечение даёт – ещё чуть-чуть, и она уступит гормональному порыву.

– Что у тебя там? – тут же спрашивает Игорь строгим тоном.

– А Зайцева ещё не рассказала? – ехидно блеет Ерёменко, протискиваясь в архив.

Следом – честное слово, на носочках – прошмыгивает Ника. Похоже, даже она приняла игру и теперь ждёт развязки. Зайцева молча подаёт фото, не поворачиваясь к следователю, собирая себя по крупицам в единое целое. Лишь бы мужская натура не прочувствовала телесную дрожь. Хотя чего там чувствовать-то? Без телескопа было всё видно.

– И что? – непонимающе спрашивает Немчанов.

– Вы к лампочке поднесите и посмотрите, – пискнула Гарчанова.

– На обратной стороне, – с тяжестью цедит Мира. – Там подложка.

– Нет тут ничего. – Покручивая и поднося ближе к глазам снимки, говорит следователь.

Мира цокает губами, выхватывает фото из его руки и подносит к лампе, пальцем показывая в нужное место. Стас и Ника с видом экспертов стоят поодаль, предвкушая похвалу за находчивость и быстроту ума.

– Вот! – нервно выплёвывает студентка, злостно тыкая подушечкой указательного пальца. – Здесь видна подложка.

Немчанов подходит ближе, цепко глядя на Зайцеву, что заставляет ту потряхнуть плечами. Игорь умышлено наклоняется к лампе, таким образом едва касаясь щеки девушки, и вгоняет её в краску. Сама Зайцева мысленно от радости кричит, что кадрить её следователь не передумал, и бросает сигнальные огни своим сокурсникам, что дело им обеспечено. А те, в свою очередь, глупо пялятся на спины Немчанова и Зайцевой, до сих пор в ожидании почёта и славы.

– Так... – произносит следователь, а затем молчит. – Так, так, та-а-ак.

– Мы не могли ошибиться, – комментирует реакцию куратора Стас, хотя изначально Зайцевой помогала Ника.

– Да, – робко подхватывает та. – Подложка фото вполне напоминает профессиональную склейку фото, сделанную у криминологов, но у этих снимков двойная подложка.

– А любой фотограф сейчас старается оставить себе бес-

платную рекламу, чтобы по логотипу его было легче отыскать. Так что фотки были сделаны профессиональным фотографом. Это может говорить о том, что убийство не доказано.

– Его вполне могли подделать похитители, – добавила Гарчанова.

– Или сама Прохорова, – перебил Стас.

Следователь после рассуждений ходит из стороны в сторону. Он нервно перебирает пальцами, подсказывает на носках и цокает. Затем резко разворачивается, оглядев Миру с ног до головы, хватая несколько снимков, её за руку и даёт команду тем двоим лететь следом. Ошарашенные и огорчённые отсутствием совестных ласк, Гарчанова и Ерёменко бегут за Немчановым, пока Зайцева успевает победоносно скалиться.

Они с космической скоростью добираются до выхода из участка. Во дворе моргает фарами чёрная «Приора», а кошка, сидящая рядом с ней, на низком старте покидает охранный пост. Немчанов молча впихивает Миру на переднее пассажирское, после чего жестом показывает хвостом на задние места и садится за руль. Колёса свистят, и Зайцеву на повороте заносит прямо на Немчанова.

– Ремень безопасности на что? – бурчит тот.

Стас и Ника предательски хихикают в кулачки, но под грозным взглядом старшего по званию превращаются в невидимок. Мирослава лишь сдержанно придвигается бли-

же к двери и хватается за ремень левой рукой.

– Чего ты в лямку вцепилась? Её пристёгивать надо, тебе показать как?

– Такого не надо, – Мира спешно щёлкает застёжкой.

Словно на американских горках «Приора» прилетает к одноэтажному зданию, сильно смахивающему на сельские старые медпункты. Игорь хватает фото и выходит из машины. Его ягодицы в синих джинсах сексуально подпрыгивают при ходьбе, от чего Мира насильно отводит взгляд, чтобы не устраивать новых мелодрам с мексиканскими страстями.

– А нам надо было с ним идти? – тихо спрашивает Гарча-нова.

– Если бы надо было, он первой бы Зайцеву сграбастал, а не фотки, – ехидничает Стас.

– Тебе не досталась – уже кайф, – ухмыляется Мира.

– Тебе с ним не светит ничего, – дразнится Ерёменко. – Такие к нему на каждую практику в архив поступают.

– Но не каждая умеет суету навести, – парирует та.

– А чего ты в универе суету не наводила, а?

– А там не для кого было горбатиться!

– А ведь если мы эту практику не завалим, то получается, можно работать идти, – рассуждает мимо темы вслух Ника.

– Тебя в криминологи не возьмут, наглостью не вышла. – заявляет Ерёменко.

– Зато тебя оттуда быстро попрут, потому что ты свою наглость прорабатывать не умеешь, – резко отвечает Мира.

Спор продолжался, пока Игорь своим появлением не прервал шумные высказывания. Спустя час или больше он двигался к машине с ошарашенным выражением лица и фото, в придачу с новыми бумажками.

– Так ты у нас Шерлок? – с усмешкой спрашивает он, показывая в первую очередь ордер.

– Нет, я архивная моль, – выгибает бровь Зайцева.

– Ну, поскалься мне! – пригрозил он. – Нашли, в общем, мы фотографа и типографию, где эти фото были сделаны. И вы, – чуть громче обращается Игорь к сидящим позади, – тоже постарались.

– А дальше-то мы дело ведём? – Не без интереса спрашивает Стас.

– Удостоверения вам выбью, и начнёте, – кивает Игорь.

– Значит, это не хорошие криминалисты старались? – с издёвкой подмечает Мира.

– Нет, – грозно смотрит на неё Немчанов. – Фото были сделаны на старенький фотик фирмы «Кодак» – определили по расположению даты и времени, и графики в целом. А вот типография недалеко от нашего участка. Найдём, кто приносил эти фотки – найдём убийцу Прохоровой. А значит, дело закрыто и одним глухарём меньше. Делов на копейки, не то, что вы там себе напридумывали.

– Почему вы решили, что это убийца фотки сделал? Как тогда объяснить их нахождение в деле? Их вам подарили? – идёт напролом Зайцева.

– Не зазнавайся, – фыркает Немчанов, понимая, что Мира права. – Решаем всё постепенно.

Первое фото

С утра кофейня почему-то закрыта. Мира ругается сквозь зубы, ведь холодный дождь проник сквозь нитки на кожу, а согреться нечем. Поэтому она сжимается – насколько это возможно – и ворчит, направившись к станции. Остановка заполнена людьми, которые, как воробушки под шляпкой огромного гриба, толпятся. Кого-то выталкивают, кто-то к кому-то жмётся, все недовольны, все ругаются. Машины дают из-под колёс контрастный фейерверк из камней, грязи и воды. Автобусы висят в пробках. Лето, конечно, штука странная – то жара пустынная, то ледниковый период. Неудобства природных катаклизмов, знаете ли, очень сказываются на психологическом состоянии.

Вот психам наверняка не повезло с расшатанными нервами и беспокойным воображением. Полагаю, они самые искренние люди, потому что, что хотят – то и делают. Да, они очень опасны в своих стремлениях воплотить безумства, но есть в этом что-то шикарное. Свой шарм, почерк, стиль.

Ведь стиль и оценка есть у каждого в это время. Художников хоть и называют безумцами, но картины скупают, и за огромные деньги. Музыкантов хаот и крестят бездарными, но альбомами заслушивают бойзбенды, солистов и продюсеров. Блогеров-то как не любят! Всех людей, которые зарабатывают с помощью камеры, сидя дома в растяну-

тых штанах. Стоит ли говорить про спортсменов, докторов, полицейских? Все люди на земле одарённые, и только психов не принимают как творцов! Это определённого рода расизм, нацизм и атеизм.

Вот сидит он – груздочек – с красными глазоньками, а сам в душе плачет. Так он устал бороться с демонами его разума, так надоело сдерживать воображение. А ведь именно интеллект до маразма и доводит. Ты слышишь голоса, сообщающие тебе навязчивые мысли. Иногда в тебе просыпается другой человек, которого ты не можешь контролировать. А тебе, меж тем, ещё умудряются кинуть камень в лицо, косу в лопатки воткнуть и обругать, по чьм свет склинился. Как тут не психанёшь?

Вообще, психи – это ликантропы, которые в определённые минуты рецидива не справляются и рвут оковы безопасности. Только у них не луна предмет тоски и ярости, а рандомная штука или явление. Так что не судите психов сгоряча. Естественный отбор давно бы лишил мир таких людей, или бы они завладели им с помощью непоколебимой вещи – отсутствия реального страха, потому что страх сам боится тех, у кого на него иммунитет.

Только Зайцева успевает переступить порог участка, как на неё в изумлении и восторге набрасывается некогда тихая Гарчанова.

– Мирочка, ты просто космическая! Игорь Викторович с самого утра с бумажками по коридорам бегаёт! Проверка

к ним едет из-за тебя!

– А чего это из-за меня? – ворчит та. – Я вообще-то ему звёзды на погоны готовлю. Вот он дела эти как раскроет с нашей помощью, так потом ведь капитана получит.

– Я и говорю – ты аховая! Ой, да ты промокла до нитки! Тебе переодеться бы, – с сожалением говорит Ника.

– Какая жалость, что я в участке не живу, да? – иронично жалуется Зайцева.

К ним уже бежит такой же довольный, как и Ника, Ерёмко в своей лучшей «пижаме» от Витона. На пол пути он грациозно притормаживает и делает полный оборот, хвастаясь хорошим настроением.

– Вы, я так понимаю, на такси скинулись, – бубнит Зайцева.

– Мы на моей тойоте приехали, – хвалится Стас. – Тебе вещи подогнать? У меня на все случаи жизни приготовлены спасательные жилеты.

– Я не в луже тону, чтобы мне помощь оказывать. И так сойдёт.

Втроём они заходят к Немчанову, который почему-то стоит к ним мягким местом вперёд. Он согнулся над рабочим столом, докуривая, или просто для запаха выдерживая, тлеющий окурок. На полу валяется куча пустых стаканчиков, в которых прежде булькал кофе. Кабинет застилает сигаретный дым; цветы, крича о помощи, смотрят в решётчатое окно, а под столом мирно лежит пепел.

– Ну и бардак, – возмущённо произносит Зайцева. – К вам тут гости едут, а у вас хлеще бомжатника.

– Вот и наведи порядок, как стажёрка, – не оборачиваясь, говорит Игорь. – Я по твоей милости ночь не спал и архивы поднимал. Вот лучше бы спиритизмом занималась, честно. Нет, же, угораздило по коробкам шастать!

– Ну, так, это раньше у вас лопухи практику проходили, вот и прошло то время.

Мира с лёгкой издёвкой хихикает и складывает стаканчики в чёрный пакет. У следователя уже вена пульсирует на виске, да так громко, что слышно сие напрямиком в коморке Зинидишны. Стас и Ника в кабинете старшего всю спесь свою коридорную потеряли, но Зайцевой с мусором помогать решились. А то мало ли, их тоже обругают.

– Слушай, ты иди выжмись, – пыхтит Игорь. – У нас Тамара Санна полы лучше моет.

– А вы мне одежду дайте, так я сразу и выжмусь! – заявляет Мирослава.

Гарчанова с Ерёменко всё больше бледнеют, в то время как Немчанов лишь оценивающе выгибает бровь, мол: «Это ты мне-то крови попортить решила? Не выйдет, деточка». Потом следователь идёт к облезлому коричневому шкафу с тонкими стенками и дверцами, – такими тонкими, что их можно было сломать не применяя излишней силы, – и достаёт на вешалке китель, рубаху и брюки.

– Обувь у Зинидишны возьмишь – я не башмачник.

– А странно, – хмыкает Мира.

– Форму вернуть в целости по окончании дела, – выждав паузу, говорит Игорь.

– Хотите сказать, что мы закрываем дело и практику заодно? – встревает Стас.

– А чего вам тут так долго делать, раз уж вы на работу рвётесь? Дам вам рекомендации, практику подпишу, и катитесь к себе в универ, а там от седьмого участка подальше!

– Дорогой, – великодушно вскрикивает Зайцева, чем пугает всех, – Игорь Викторович, а я вам говорила, что обещание не нарушаю?

– Ты обещала мне мучения адские, если я дело не возьму, а я взял, и теперь, будь добра, остепенись.

– Я не кобелёк, а вольная волчица. Если получится всё – отстану.

Зайцева стремительно врала. Откуда такое рвение проверить, насколько хороши будут ухаживания от следователя, и чем закончатся позже, она не ведала. Только навязчивая идея горела во всю и перегорать не собиралась. Мирослава напролом пёрла и пахала непролазные джунгли, в которых Немчанов старательно прятался. Уж она заставит этого мужлана покинуть пост патриархата и перейти под женский каблук.

К ним уже бежит такой же довольный, как и Ника, Ерёмченко в своей лучшей «пижаме» от Витона. На пол пути он грациозно притормаживает и делает полный оборот, хваста-

ясь хорошим настроением.

– Вы, я так понимаю, на такси скинулись, – бубнит Зайцева.

– Мы на моей тойоте приехали, – хвалится Стас. – Тебе вещи подогнать? У меня на все случаи жизни приготовлены спасательные жилеты.

– Я не в луже тону, чтобы мне помощь оказывать. И так сойдёт.

Втроём они заходят к Немчанову, который почему-то стоит к ним мягким местом вперёд. Он согнулся над рабочим столом, докуривая, или просто для запаха выдерживая, тлеющий окурок. На полу валяется куча пустых стаканчиков, в которых прежде булькал кофе. Кабинет застилает сигаретный дым; цветы, крича о помощи, смотрят в решётчатое окно, а под столом мирно лежит пепел.

– Ну и бардак, – возмущённо произносит Зайцева. – К вам тут гости едут, а у вас хлеще бомжатника.

– Вот и наведи порядок, как стажёрка, – не оборачиваясь, говорит Игорь. – Я по твоей милости ночь не спал и архивы поднимал. Вот лучше бы спиритизмом занималась, честно. Нет, же, угораздило по коробкам шастать!

– Ну, так, это раньше у вас лопухи практику проходили, вот и прошло то время.

Мира с лёгкой издёвкой хихикает и складывает стаканчики в чёрный пакет. У следователя уже вена пульсирует на виске, да так громко, что слышно сие напрямиком в комор-

ке Зинидишны. Стас и Ника в кабинете старшего всю спесь свою коридорную потеряли, но Зайцевой с мусором помогать решились. А то мало ли, их тоже обругают.

– Слушай, ты иди выжмись, – пыхтит Игорь. – У нас Тамара Санна полы лучше моет.

– А вы мне одежду дайте, так я сразу и выжмусь! – заявляет Мирослава.

Гарчанова с Ерёменко всё больше бледнеют, в то время как Немчанов лишь оценивающе выгибает бровь, мол: «Это ты мне-то крови попортить решила? Не выйдет, деточка». Потом следователь идёт к облезлому коричневому шкафу с тонкими стенками и дверцами, – такими тонкими, что их можно было сломать не применяя излишней силы, – и достаёт на вешалке китель, рубаху и брюки.

– Обувь у Зинидишны возьмишь – я не башмачник.

– А странно, – хмыкает Мира.

– Форму вернуть в целости по окончании дела, – выждав паузу, говорит Игорь.

– Хотите сказать, что мы закрываем дело и практику заодно? – встревает Стас.

– А чего вам тут так долго делать, раз уж вы на работу рвётесь? Дам вам рекомендации, практику подпишу, и катитесь к себе в универ, а там от седьмого участка подальше!

– Дорогой, – великодушно вскрикивает Зайцева, чем пугает всех, – Игорь Викторович, а я вам говорила, что обещание не нарушаю?

– Ты обещала мне мучения адские, если я дело не возьму, а я взял, и теперь, будь добра, остепенись.

– Я не кобелёк, а вольная волчица. Если получится всё – отстану.

Зайцева стремительно врала. Откуда такое рвение проверить, насколько хороши будут ухаживания от следователя, и чем закончатся позже, она не ведала. Только навязчивая идея горела во всю и перегорать не собиралась. Мирослава напролом пёрла и пахала непролазные джунгли, в которых Немчанов старательно прятался. Уж она заставит этого мужлана покинуть пост патриархата и перейти под женский каблук.

– Хапну я с тобой горя, – мучительно вздыхает следователь, – со всеми вами.

Взять китель из собственных рук девушке он не даёт, а показушно, прямо перед её носом, цепляет крючок вешалки на приоткрытую дверцу. В его голубых глазах блестит ликующий свет, словно говоривший, что Немчанов заранее перехватил коварный бабский флаг.

– Стас, – зовёт Мира, – есть дело. Сгоняйте с Никой до кофейни на Рожнинской. Моя кофейня сегодня закрыта, а у нашего куратора кроме пластика ничего не осталось. Надо заправку, а то уснём.

– Вкидывай корпоративный взнос, – говорит Ерёменко. – Так на всех кофе не навозишься.

– Фу, – кривится Игорь, не поворачиваясь к тому лицом, –

тебя бабский пансионат воспитывал или евреи? Что за меркантильность такая?

Он размашисто идёт к куртке, достаёт бумажник и даёт остолбеневшему Стасу красную купюру. Ника хорошо маскируется между шкафом и сейфом с огромным горшком – из которого тянется к потолку фикус – чтобы не попасть под кулак. А Игорь, убрав портмоне на место, самодовольно стрельнул взглядом в Зайцеву.

– Заметь, – деловито произносит следователь, – я даже чека не попрошу. Просто купи кофе, девчонкам по шоколадке, а себе джентльменский набор морализма.

Шокированные практиканты вскоре покидают кабинет, а Зайцева затевает новую игру. Она запирает кабинет изнутри, прекрасно зная, как громко поворачивается язычок замка. Со всей непристойностью снимает мокрую одежду, почти слипшуюся с кожей, и также бросает на пол. И делает это Мирослава настолько медленно, настолько ярко, что любой человек неосознанно начнёт проявлять любопытство.

Немчанов всё это слышит и борется с желанием повернуться. Он всем естеством упирается в бумаги, знаки на которых давно поплыли от тумана в глазах. Что творит эта ненормальная?

– Надеюсь, – говорит Зайцева, – одежда мне по размеру.

– По размеру, – бурчит Игорь.

– А как вы догадались? – провоцирует Мира.

– А я экстрасенс.

– Странно, я всегда считала, что полицейские – скептики.

Внезапно в дверь нервно стучат, отчего Немчанов и Зайцева дружно вздрагивают. Для следователя это был лучший знак, чтобы безнаказанно повернуться и застать девушку... в полной амуниции. Она так бесшумно и быстро оделась, что перед глазами Немчанова всё ещё была нагой.

– Открой уже, – немного разочарованно произносит следователь, – а то выломают.

– А что, такое уже было? – не без улыбки спрашивает Мира.

Дверь открывается, и влетает какой-то сержант, сначала с вопросом, чего это они вдвоём среди бела дня закрылись, а потом с возгласами, что начальство на месте и уже их ждёт.

Мира и Немчанов пошли в кабинет к начальнику отдела, который поседел, позеленел и развёлся, пока читал рапорт о проделанной работе. На его почётном месте водрузил свою статную натуру генерал полицейского округа.

Когда Игорь и Мирослава появились на пороге кабинета, оба мужчины удивлённо уставились на практикантку. Она была для них в диковинку маленькой и хрупкой, что обоих тут же схватил отцовский инстинкт. Пришлось пить с ними невкусный чай и жевать старое печенье, но потом всё же беседа перетекла в дело.

– Так выходит, что эту девушку убил фотограф? – говорит генерал Шинов. – Фотоаппарат нашли?

– Нет, Михаил Львович, – поторапливается Немчанов. –

Ждём вашего распоряжения относительно дела.

– Конечно, снова браться за него! Такие обстоятельства вынуждают проверить образовавшиеся зацепки. Как будто нам тут глухарей мало. Игорь, ты хоть и недавно у меня работаешь, но удивляешь временами! Что известно?

– Мы знаем, где проживает предполагаемый убийца. Прохоров Геннадий, тридцать восемь лет, бездетен, живёт в однушке. Зарабатывал фотосессиями и работой с программистикой на дому.

– Так чего ждём-то?! – Вскрикивает Шинов. – Берите людей и бегом по адресу!

– Есть! – Повторяет Немчанов и хочет было убежать.

– Девушку с собой! – говорит генерал.

– Но, Михаил Львович, она...

– Справится! – Рывкает Шинов. – Студентка углядела то, чего опытные мужики не смогли. С собой, и точка.

– Так у нас там ещё двое, – мямлит Зайцева.

– Пусть на страховке в участке останутся. Будет кому рапорты строчить, – усмехается Михаил Львович.

Немчанов грозно зыркает в сторону Миры, и она идёт вслед за ним. Форма на ней действительно хорошо смотрится, а потому оперативники её сразу за «свою» принимают. Сам Игорь немного беснуется, что придётся тащить за собой груз, но временами всё же стреляет взглядом в Зайцеву.

Дождаться Гарчанову и Ерёменко никто не думает, и записки писать тоже. Во двор опер-группой дружно выкатыва-

ются и к машинам. Несколько оперативников во главе с сержантом едут за «Приорой» Немчанова. До адреса добираются за минут пятнадцать, в которые Немчанов учит Миру, как правильно вести себя на месте преступления. Дверь в квартиру ломают, и когда заходят, чуть не оставляют завтрак на пороге.

В доме несёт тухлой плотью. В зале на люстре висит тощее тело, посиневшее, а местами почерневшее. Смерад издаёт то, что низверг из себя покойник после смерти, а может, и до того. В квартире ужасный бардак, следов борьбы нет. Разве что борьба была внутренняя. На рабочем столе стоит севший батареей ноутбук. Везде примеры фотографий, на которых люди изображали любовь и счастье.

– Выходит, оперативники-то и не нужны были совсем, – констатирует сержант. – Чего их сейчас, в отдел отправлять?

– А ты их в качестве понятых решил взять? – спрашивает Игорь.

– Да вроде как нет.

– Ну вот, пусть и катят себе. У нас кроме этого дела других не бывает, что ли? Пусть на вызовы катаются и отчёты пишут, а нам криминалист поможет.

– Зайцева, ты давай осмотрись тут. Как там вас учили: следы, вещь-доки, личные моменты. Давай-давай, я без опытных людей к трупу не лезу, а он и руки по своей инициативе не подаст.

Мирослава осмотрелась. Небольшая однокомнатная квар-

тира завалена старыми плёнками, разнокалиберными альбомами и техникой. Местами их покрывает плотная пыль, а где-то её нет совсем, словно уборщица нарочно утром чистоту навела. Коридор махонький, с кучей сырой зловонной одежды, а за ним светлая кухонка. Туда, вместе с сержантом, они и идут.

Мира бледнеет, увидев на плите, в кастрюле, часть женской руки, на пальце которой держится одно кольцо с синим камнем. Стараясь не подать виду, что сдаётся, она умышленно подходит ближе. В этой же кастрюле лежит варёная картошка, мелко нашинкованный лук и тёртая морковь. Рядом спички, немытая разделочная доска и нож.

– Ганнибал. – Чуть ли не выплёвывая, говорит Мира вслух.

– Да, он монстр, самый настоящий! – поддерживает её мнение сержант.

Посуда в раковине грязная, шкафы заляпаны то ли мукой, то ли пеной, не пятно. На полу какие-то ошмётки скрюченные и засохшие, а у самой батареи тряпка зелёная возлежит. И от пейзажа сего Зайцева качается, зеленея, как та самая тряпка.

– Зайцева, пойдём выйдем, – приказывает Немчанов.

На улице, сидя на деревянной лавке, Мире становится лучше. Она смотрит на мелкую траву, стараясь забыть увиденное. Девушка и не думала, что живое представление заставит внутренности под кожей сжаться до состояния ваку-

ума. То есть в морге они бывали не раз, да и кадры разные с мест аварий, убийств и прочих событий тоже наблюдали, но такое Мирослава видит впервые и ужасно ненавидит этого фотографа.

– Что скажешь? – Спрашивает следователь.

– Я думаю, что он псих.

– Думаю, что все убийцы – психи. – Усмехается Немчанов.

– Мух нет.

– Чего? А, ты про этих... Верно, мух нет.

– Ещё, – проглатывает ком в горле Мира, – у них похожие фамилии. Нужно выяснить их связь, и делал ли Прохоров снимки Лики под липу, или же сам её убил.

– Прохорову убили год назад, – констатирует зачем-то Немчанов.

– А в кастрюле совершенно свежая женская рука.

– На счёт свежести я бы поспорил, но опять же мухи...

Ой, Зайцева, куда ты меня вляпала?

– Вам не кажется, что место преступления очень странное? Эта странная связь фотографа с пропавшей, а позже убитой, это самоубийство и кулинарные шедевры ганнибала.

– Считаешь, кто-то пошутил?

– Считаю, он мог быть как жертвой, так и маньяком. Кто-то же варился в его кастрюле, и для кого?

– Наша задача выяснить, сколько женщин пропало после Прохоровой на похожий манер, и нашлись ли их тела. Поднимем архивы снова, в других участках спросим про похо-

жие дела, посмотрим данные с устройств Прохорова, спросим соседей. У нас ещё двое молочных следователей.

Это немного веселит Миру, и она слегка смеётся. Немчанов заботливо хлопает её по спине, заверяя, что он не даст ей заболеть булимией. Его тёплая рука ощущается даже через плотную ткань кителя, и тело бросает в дрожь. Хороший отвлекающий манёвр, но дело есть дело – его нужно продолжать.

– Да, выяснить, сколько женщин пропало за последний год. Снять отпечатки с руки в кастрюле. Может, девушки будут чем-то похожи между собой. – Загибает пальцы Мира.

– А если он убивал не только девушек? – спрашивает Немчанов.

– Узнаем, но мне кажется, что ничего мы не найдём. Он убил только ту, что у него на обед, а чтобы в этом окончательно убедиться, мне нужно взглянуть на труп.

– Говоришь, как патологоанатом, – хмыкает Игорь. – Ну пошли.

От обеда и ужина на сегодня можно отказаться. Один вид человеческой руки с картошкой заставляет рвотные позывы задевать гортань. Но снять отпечатки с повешенного придётся именно Мире, потому что её теперь обязывает практика. Опытный криминолог, прибывший вскоре и стоявший рядом, неприятно дышит в затылок, поторапливая приступить к работе. Руки трясутся так, что пакет для вещь-доков издаёт шелестящий шум.

– Нужно снять тело, – говорит Немчанов.

– Сначала я посмотрю. – Твёрдо заявляет девушка.

Она подходит к месту убийства, стараясь завернуть шею в узел.

– Жертва – мужчина лет тридцати восьми. Следов насильственной смерти не наблюдается, примерное время смерти около четырёх суток, предварительно, шея не сломана – задохнулся. Стул опрокинут типично для толчка сверху, а не с помощью кого-то, и петля ровная – он не торопился, всё делал медленно.

Мира выдыхает на этом. Немчанов кивает криминалисту, и тот принимается карябать перистой ручкой записи. А Зайцева видит на столе Прохорова – прямо напротив его бедного тела – цифровой объектив, зум которого закрыт. Она подходит и берёт устройство в руки, совершив попытку открыть последние снимки. Красная маленькая кнопка начинает мигать.

– Аккумулятор сел, – говорит Мира подошедшему Игорю.

– Зачем он тебе?

– Стоял в рабочей зоне, – отвечает она, устремив взгляд на фотографа.

– Я тоже так подумал, – кивает следователь, – только на сказку похоже. Нам и преступник, и улики, и признание вины.

Когда убиенного сняли с петли и положили поверх чёрного мешка, он издал хриплый выдох. Криминолог не обратил

никакого внимания, а остальные похолодели от ужаса. Мира твердила себе, что такое случается с человеческими телами до момента распада органических тканей, и что, если покойника пробовать шевелить, он вполне может ненадолго «ожить». И всё же ей поплохело опять. Немчанов второй раз уже повёл девушку на улицу, придерживая под локоть.

– Это ужасно, – давит она.

– Сама сказала – он псих, – напоминает Немчанов.

– Игорь Викторович, не отстраняйте меня – я справлюсь.

– Ещё не посмотрелась?

– Я собираюсь работать криминалистом. Как же я буду выполнять свою работу, если не смогу смотреть на детали?

Немчанов удивлённо пялится на Зайцеву. Слишком серьёзная у неё позиция для белоручки, хотя, может, оно напускное. И вопросик бы ей один задать, чтобы конкретно убедиться, но телефонный звонок не позволяет рта открыть. Немчанов всё смотрит на Миру, пока слушает голос в телефонной трубке. И пока слова бормочут в странной интонации, лицо его мрачнеет с каждой секундой.

– Понял, – отрезает он. – Поехали, у нас труп.

Следователь быстро встаёт со скамейки и направляется к машине, попутно совершая новые звонки. Гарчанову и Ерёменко, Игорь отправляет в фотостудию, где работал Прохоров, двух патрульных занимает новым адресом, а Шинину сообщает свежие подробности дела. Внешность его меняется на глазах, ведь первые морщинки разрезают кожу под

глазами, а волосы встают дыбом, подобно проволоочинкам.

Мира не остаётся ждать второго предложения и отправляется следом. Шутить и препираться не хватает духа. Потому как следователь молчит уже, можно сказать, что оборот вещей серьёзный. Ну как, Зайцева, знатный розыгрыш тебе подготовили, а?

До нужного адреса они добираются быстрее, чем до Прохорова. Знакомые вывески, дома и автобусы потихоньку начинают смущать. Она взглянула на название улицы, и сердце ухнуло вниз, под колёса Игоревой машины.

– Кто умер? – спрашивает она, а сама молится, чтобы её подозрения не оправдались.

– Парень, двадцать лет. Он, скорее всего, не связан с нашим делом, но участок мой, поэтому я должен посмотреть.

– Я тоже пойду, – твёрдо говорит Зайцева.

– Да тебе необязательно, – удивлённо парирует Немчанов. – Там работы-то на пару минут.

– Откуда ты знаешь?

Беспокойство Зайцевой и следователя задевает. Он тоже теперь нервничает за чем-то, однако причины тому не видит. Покидая машину, он повторяет, что его можно у капота бросить, но Мирослава уверенно идёт с ним. В руках напряжение, в ногах вата, в голове ураган, да такой, что любые мысли сносит со стержня.

На улице уже толпится народ, рядом стоит карета скорой помощи и полицейский дежурный бобик. Орать никто не со-

бирается, но шёпот стоит, словно в гремучнике самки с капюшонами сплетничают. Рядом с Игорем бежит худощавый невысокий участковый и рассказывает подробности случившегося. Мира их не слушает.

Когда она входит в квартиру убитого, то на месте готова поверить в Бога, дьявола или кого ещё там стоило. Квартира в приглушённом освещении, полный порядок, что в контраст идёт к жилищу Прохорова. Посреди комнаты стоит стул, фоном, за его спинкой, включённый телевизор на канале с детскими мультиками. На стуле перед объективом сидит Виктор, бледный, почти синий. Сидит неестественно прямо и держит руками на коленях чашку с кофе. И лишь чуть приблизившись, Мирослава видит прикрученную голову к шесту за спиной.

– Он...

– Он мёртв. – Закончил за неё Немчанов. – Вы знакомы?

– Я пью кофе там, где он работает, – неверующим голосом отвечает Зайцева.

– Когда ты видела его последний раз? – тут же включился следователь.

– Вчера утром, когда приходила пить кофе.

– Он хоть раз с кем-то при тебе ругался?

– Нет, – уже над чем-то размышляя, говорит Мира.

Она подходит ближе к телу на стуле. Виктор сидит неподвижно, но как живой, однако от него веет холодом. На веках нарисованы глаза, губы и брови подведены, волосы закреп-

лены в укладке липким лаком. Пахло последним очень выражено, что навело Зайцеву на мысль – убит Виктор совсем недавно, может, часов шесть или десять назад. Ногти слегка синие, промеж губ выделяется слюна, а на шее след от обода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.